

АМАН ТУЛЕЕВ
С МОИХ СЛОВ
ЗАПИСАНО ВЕРНО

Аман Тулеев
Андрей Е. Ванденко
Аман Тулеев. С моих
слов записано верно
Серия «С моих слов записано верно»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54324251

А. Г. Тулеев, А. Е. Ванденко. Аман Тулеев. С моих слов записано верно:

АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120560-7

Аннотация

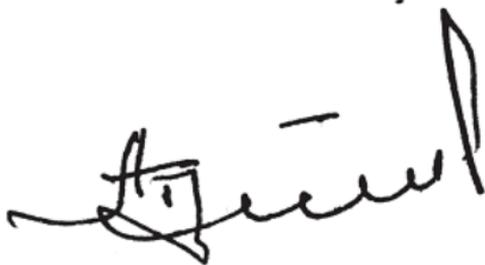
Книга «Аман Тулеев. С моих слов записано верно» – исповедь «тяжеловеса» российской политики, более двадцати лет возглавлявшего Кемеровскую область и ушедшего в отставку после трагедии в «Зимней вишне» 25 марта 2018 г. Ему есть о чем поведать и что вспомнить. Журналист Андрей Ванденко, работая над текстом, в течение года встречался и беседовал с Аманом Гумировичем, помогая ему подробно, шаг за шагом, рассказывать о прожитых годах. Так, как он их запомнил. Книга уходит от формата традиционных мемуаров и завершается разделом воспоминаний о Тулееве его коллег, друзей и родных.

Прозительно откровенно о взлетах и падениях, о долге и о личном – от первого лица и сопричастных.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ВИШНЯ – ЯГОДА ГОРЬКАЯ...	11
ИМЯ СОБСТВЕННОЕ	60
О юбилее	62
Об имени	67
О выборе	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

С моих слов
Записано верно.

А. Г. Тулеев, А. Е. Ванденко
Аман Тулеев. С моих
слов записано верно

© Тулеев А. Г., 2020

© Ванденко А. Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Обложка: © Александр Кряжев / ФГУП МИА «Россия се-
годня»

* * *

Андрей Ванденко – один из лучших интервьюеров России. В 2014 году я пригласил его на работу в ТАСС – руководить нашим спецпроектом «Первые лица». К моей радости, он согласился. За это время его таланты раскрылись во всей полноте. Андрей обладает удивительным умением выстраи-

вать очень доверительные беседы с самыми влиятельными политиками, чиновниками, бизнесменами, причем никогда не избегая острых, неудобных вопросов. Он задает их так, что собеседник всегда открывается ему навстречу. Думаю, потому, что Андрей смотрит в глубину человека не только с искренним интересом, но и с любовью.

Сергей Михайлов, Генеральный директор ТАСС

* * *

Всю жизнь пуще смерти боялся подвести людей. Пугали не наказания, а то, что не справлюсь, не оправдаю доверия.

Аман Тулеев

Знаю, что моим именем называют ребятишек, родившихся в Кузбассе. Минимум тридцать пять Аманчиков бегают по области...

Аман Тулеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аман Гумирович Тулеев более двадцати лет возглавлял Кемеровскую область. Принял Кузбасс далеким летом 1997 года, в разгар шахтерских забастовок, а оставил губернаторскую должность 1 апреля 2018-го, через неделю после трагедии в торговом центре «Зимняя вишня».

Трижды главой региона его назначали президенты России – Ельцин, Путин и Медведев. Столько же раз выбирали земляки. Всегда в первом туре и с большим отрывом от преследователей.

В политику Тулеев пришел в восьмидесятые, в боях пережил девяностые, был на коне в нулевые, но до конца десятых в седле не усидел. Впрочем, ушел он со щитом – полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством». Указ о награждении I степенью был подписан в октябре 2018-го, через полгода после отставки. Для понимания: в списке обладателей комплекта из четырех орденов – чуть больше полусотни человек за четверть века.

Аману Гумировичу нравится, когда его называют последним из могикан.

Ему есть что рассказать и вспомнить.

Впрочем, Тулеев сразу предупредил, что категорически не готов к формату традиционных мемуаров, предложив построить книгу в виде беседы. Однако назвать ее циклом ин-

тервью нельзя. Да, я спрашивал, а визави отвечал, но почти все вопросы носили уточняющий характер. Я помогал Тулееву подробно, шаг за шагом рассказывать о прожитых годах. Так, как он их запомнил.

В итоге получился поделенный на хронологические и смысловые главы монолог.

Аман Гумирович прочел его, поправил все, что считал нужным, и вывел на первой странице фразу: «С моих слов записано верно». Она и стала названием.

Лишь интервью о жизни после отставки выглядит классическим спаррингом «вопрос – ответ», поскольку в нем затронуты темы, которые можно и нужно обсуждать в режиме диалога и обмена мнениями.

И поставлен этот разговор в начало книги, хотя записывался ближе к концу работы над ней.

Завершается все разделом воспоминаний о Тулееве. Я встретился с коллегами, друзьями и родными Амана Гумировича. С теми, кто согласился.

Признателен каждому из собеседников.

Благодарю Амана Тулеева за долготерпение – работа над текстом шла полтора года.

Александра Оловянишникова – за высокий профессионализм на этапе верстки и выпуска.

Гендиректора ТАСС Сергея Михайлова – за понимание, поскольку книгой я занимался, что называется, без отрыва от основного производства.

Еще одного Сергея – за идею проекта и всестороннюю поддержку.

Жену Анну – за расшифровку записей и литредактирование рукописи.

Андрей Ванденко

Октябрь 2018 г. – март 2020 г.

Кемерово – Белокуриха – Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий – Мундыбаш – Таштагол – Москва

ВИШНЯ – ЯГОДА ГОРЬКАЯ...

– Когда Акела промахнулся?

– В 2011-м в Германии мне сделали операцию на позвоночнике. Потом еще несколько раз проходил курс лечения, как-то месяц или полтора пролежал в Москве в ЦКБ. Благодарен президенту Путину, который, зная о моих проблемах со здоровьем, с пониманием относился к долгому отсутствию в строю. Дословно цитирую Владимира Владимировича: «Аман, будет совсем тяжело, скажи. Мы все решим». Хотя, в принципе, глава государства запросто мог предложить написать заявление по собственному желанию, и я беспрекословно подчинился бы, даже не пикнул.

Весной 2017-го снова дал о себе знать позвоночник, началось очередное обострение. Решил: вот выпишусь из больницы, поклонюсь людям в пояс и подам рапорт об отставке. Понимал: исполнять обязанности губернатора с полной отдачей, как раньше, не смогу. Повседневные рабочие дела требовали постоянной включенности, приходилось решать массу самых разных вопросов, кроме того, я привык много мотаться по области. Делал это всегда. Ездил на стройки, шахты, предприятия, чтобы контролировать выполнение поручений, встречаться с коллективами.

А какие тут поездки, если спина отваливается? Что ни шаг, то испытание.

Но сделать, как задумывал, не получилось...

– Почему, Аман Гумирович?

– Еще раз позвонил Владимиру Владимировичу, чтобы сообщить о решении, и услышал в ответ: «Повремени с уходом. Пришлем преемника, пусть поработает под твоим приглядом. Потренируешь его, с областью познакомишь. Тебе ездить с ним не обязательно. Когда почувствуешь, что готов передать дела, сообщишь мне. После этого уйдешь». Я не смог возразить президенту.

Время шло, а сменщик все не объявлялся.

– Вы предлагали кандидатов?

– Разумеется. Назвал кемеровского мэра Илью Середюка и своего первого зама Владимира Чернова. Нормальные ребята, сам вырастил их, можно сказать, подготовил смену.

Фамилии обоих в администрации президента записали, но ответа не дали. Мог еще пару достойных человек предложить, если бы спросили.

К лету 2017-го морально я готов был сдать пост. Кремль тянул с ответом, и я продолжал работать, хотя и не в прежнем ритме. Врачи запрещали подолгу сидеть за столом, в течение дня приходилось время от времени делать передышки, чтобы боль чуть стихла. Для передвижения по зданию администрации пользовался английским аппаратом, сделанным по принципу самоката: два колеса сзади, еще одно и руль – спереди. Облокачиваешься и едешь. Штуковина со стороны выглядела вполне спортивно, а на инвалидную коляску я и тогда психологически не мог согласиться, и сейчас не готов к

ней, поэтому очень стараюсь вернуть подвижность. Это главная моя задача сегодня. Много тренируюсь, хожу со скандинавскими палочками...

Так вот, возвращаюсь к прежнему. Наконец Москва назвала имя: Сергей Цивилев. Мы познакомились, обговорили вопросы, касающиеся социальной обстановки и экономики Кузбасса. Условились, что Сергей Евгеньевич приступит к работе в ноябре 2017 года, постепенно войдет в курс дела.

Но фактически Цивилев появился в Кемерове лишь в феврале 2018-го, должность заместителя губернатора занял в первых числах марта, а через три с небольшим недели случилась трагедия в торговом центре «Зимняя вишня»...

Вот и получается, что промахнулся я еще пару лет назад. Акела, как ты говоришь...

Надо было настоять и уходить после второй операции в Мюнхене, когда стало понятно, что полная реабилитация исключена. Но я солдат, если начальство даже не приказывает, а просит, причем делает это по-человечески, расшибусь в лепешку, умру, но выполню. Не мог же я без команды выйти из строя...

– А может, не очень-то и стремились? Власть – штука коварная, добровольно отказаться от нее сложно.

– Не в этом дело! Не держался я за губернаторское кресло мертвой хваткой, не старался любой ценой усидеть на троне. Хотя, врать не буду, сильно прикипел... Область и я были неотделимы друг от друга. По крайней мере, в моем созна-

нии.

Многим почему-то кажется, что быть начальником легко: сиди и командуй. Хотя в действительности войти в систему власти, научиться управлять большими коллективами, тем более регионом, очень сложно.

Это сегодня могут назначить руководителем человека без достаточного профессионального опыта, того, кто не имеет за спиной производственных и менеджерских навыков.

До того как стать губернатором, я прошел длинный и сложный путь: начинал рядовым стрелочником, дослужился до должности начальника крупной железной дороги, был народным депутатом России, федеральным министром. И в Кузбасс вернулся в момент, когда кресло главы региона больше напоминало электрический стул. Было гораздо легче шею себе свернуть, чем славу заработать.

Хочешь – верь, хочешь – нет, я всегда использовал власть, чтобы решать серьезные вопросы, делать жизнь людей лучше.

Я ведь, как никто другой, знал, сколько удалось за двадцать лет, понимал, как много предстоит впереди, поэтому подсознательно старался успеть побольше. Но в последние годы спина не давала развернуться – в буквальном и переносном смысле. Упорно отказывался верить, что это надолго.

– Наполеону принадлежит фраза «Искусство управления состоит в том, чтобы не позволять людям со-

стариться в своей должности».

– С одной стороны, соглашусь. С другой – готов поспорить с Бонапартом. Что значит состариться? Утратить ясность ума? Стать физически слабым?

Черчилль и в восемьдесят оставался «огурцом», ни в чем себе не отказывал. Курил сигары и «вискарил» за милую душу.

А Рузвельт более двадцати лет провел в инвалидной коляске, прокатался в ней четыре президентских срока.

Вспомни Сталина: много ты читал про его поездки по стране, про то, чтобы забирался в глубинку? Или про выступления на каких-то промышленных предприятиях? У вождя постоянно болели суставы – руки, ноги. Ему было не до командировок. Регулярно посещал только Мацесту, гдеправлял здоровье.

Главное для руководителя высокого уровня – работа ума. Конечности, конечно, тоже важны, но все-таки в приоритете – голова. Если плохо соображаешь и не можешь быстро принимать решения, как говорится, бери шинель, иди домой... Тебе на посту начальника не место.

– Ум может оставаться ясным, но взгляд замыливается. За двадцать-то лет.

– Не у всех притупляется восприятие. Многое зависит от конкретного человека и его мировоззрения. Подход к пожилым людям должен быть индивидуальным, как в Японии. Там смогли найти плюсы в постепенном старении насе-

ния. Даже термин специальный придумали – «серебряная революция». Сегодня каждый четвертый японец старше шестидесяти пяти. Известен случай, когда руководителю крупной корпорации, умершему в возрасте 80+, долго не могли найти равнозначную замену и разделили должность между несколькими заместителями. Никто не обладал столь же ясным умом в сочетании с опытом и знанием бизнеса, как ушедший аксакал.

Нет, нельзя всех грести под одну гребенку, к каждому надо подходить индивидуально. Я точно не заслужил, чтобы одним махом списали в утиль, забыв все хорошее и сделав едва ли не крайним в истории с «Зимней вишней».

Больная спина создавала ведь проблемы не только физические, но и психологические. Я привык быть сильным, и люди всегда видели меня таким. А тут вдруг предстал бы человеком, не способным сделать шаг без посторонней помощи. В том числе из-за этого не смог приехать 25 марта 2018 года к горящему торговому центру...

– Люди и раньше знали, что вам тяжело ходить, но, полагаю, для них было важно именно в тот момент увидеть рядом губернатора.

– Знать и видеть – отнюдь не одно и то же.

Нет, мое присутствие ничего не изменило бы. Могло получиться еще хуже.

– Куда уж дальше? Давайте подробно поговорим, как и что происходило.

– Согласен. Мне это очень нужно. Расскажу все.

– **Начнем с момента, когда вы узнали о пожаре.**

– Воскресный день, я спокойно сидел в Мазурове.

– **Там же у вас дача?**

– Была. Не моя. Служебная, государственная...

Словом, я находился дома. Кажется, читал. Да, вспомнил:

«Тобол» Алексея Иванова. Люблю этого уральского автора.

Вдруг – звонок дежурного. Первый доклад прозвучал аб-

солютно спокойно, без намеков на серьезное ЧП: «Аман Гу-

мирович, задымление в торговом центре на проспекте Лени-

на, 35». Я спросил: «Все аварийные службы задействованы?»

Отвечают: «Да». Через несколько минут позвонил Илья Се-

редюк, глава города: «Задымление сильное». Понял, что на-

до подключаться, вызвал сотрудников администрации, ска-

зал первому заму Чернову: «Володя, езжай проверь, что там

происходит». И мэру велел отправляться туда же.

И вот спустя час Середюк сообщает: «По нашим данным,

есть четверо погибших».

Ничего себе «задымление»!

Я объявил всеобщую мобилизацию, связался с начальни-

ком управления МЧС по Кемеровской области Александром

Мамонтовым: «Вызывать подкрепление из Новосибирска и

Красноярска?» – «Что вы, Аман Гумирович?! Ни в коем слу-

чае! – говорит. – У нас мощная команда, достаточно сил и

средств, сами справимся».

Потом позвонил президент Путин: «Аман, что происхо-

дит?» – «Владимир Владимирович, в торговом центре задымление, к сожалению, у входа нашли четырех погибших». Докладывал уверенно, как тебе сейчас рассказываю. Тогда еще никто не знал, что в залах кинотеатра оставались люди...

А вскоре понеслось: «Есть тела на лестничной клетке...», «Обнаружены еще трое...». Это сообщения нашего МЧС. Я уже понял, что случилось страшное. Сердце защемило: сколько же народу внутри горящего здания?! Мои замы, мэр, спасатели, сотрудники правоохранительных органов находились на месте пожара, но никто по-прежнему не мог сказать что-либо более-менее определенное. Видимо, слишком уж нештатной, экстраординарной оказалась ситуация. Я продолжал возглавлять штаб, координируя действия спасателей.

– Штаб – на Ленина, вы – на даче в Мазурове, откуда отдавали распоряжения по телефону. Дистанционный начальник.

– Да какая разница, где я?! Руководитель должен свести воедино информацию, управлять процессом. Можешь находиться хоть в Бангладеш, хоть на Луне, лишь бы те, кому положено, исправно исполняли обязанности и корректно докладывали о происходящем. За двадцать лет, которые руководил областью, не было случая, чтобы я лично не возглавил оперативный штаб и не выехал к месту ЧП. При любых нештатных обстоятельствах всегда шел к людям, никогда не прятался за чужие спины.

Но сначала решал организационные вопросы. Всегда! За

долгие годы выработался определенный алгоритм действий. Находясь на расстоянии, легче сосредоточиться на главном. На месте, в суматохе, часто отвлекают второстепенным, приходится тратить драгоценное время на то, чтобы отбиться от журналистов и случайных людей, которые создают дополнительную нервозность, задавая под руку несущественные вопросы.

Если случалось что-то серьезное на шахтах, примерно через час-другой становилась понятна общая картина. Ждал информацию, как много горняков находилось под землей и скольким из них удалось подняться на поверхность. После чего отправлялся на место аварии.

А ЧП на железной дороге? Попробуй не приехать! Особенно если встали пассажирские поезда или сошли с рельсов грузовые вагоны. А представь, цистерны с горючим или опасными веществами рванут. Беды не оберешься...

По сути, не было ни одного совещания, где я не твердил бы: «Главное – безопасность людей». Особое внимание обращал на выходные дни, праздники, каникулы.

Вот и 25 марта руководил штабом из Мазурова. Поначалу все шло по отлаженной схеме, потом звонки и донесения с места пожара вдруг прекратились. Наступила тишина. Почему молчат?! Вызвал помощников: «Берите инвалидную коляску, обмотайте какими-нибудь пледами, одеялами, чтобы не очень бросалось в глаза, в чем именно сижу, и поедем к “Вишне”». Ребята нашли коляску, задрапировали, как смог-

ли, подогнали служебную машину, прибыл наряд ДПС для сопровождения. Я собрался ехать, понимаешь?!

Но тут раздался звонок. Эльвира, жена, взяла трубку, несколько секунд молча слушала, что ей говорят, потом, не говоря ни слова, вдруг стала оседать. Едва не потеряла сознание!

Бросились к ней, принесли нашатырь: «Эля, что?!» Ну и...

Даже сейчас вспоминаю и спокойно не могу рассказывать, слезы наворачиваются.

– Продолжайте, Аман Гумирович.

– В общем, звонила наша родственница из Толкинского района... Ее дочка Таня, наша племянница, вместе с одноклассниками оказалась в «Зимней вишне». Пошла в кино, а когда начался пожар, перестала отвечать на звонки. Вот мама и забеспокоилась, начала искать дочь по всем знакомым телефонам.

Эльвира сразу почувяла неладное, сердце и забарахлило...

Меня же минут через пять словно ток прошиб. Голова и руки работают, а ноги парализовало. Позвонили в скорую, врачи объяснили: «Мозг так отреагировал на негативное известие. У нас много похожих случаев...» Хотели выслать бригаду. Я связался с главврачом третьей больницы Андреем Ивановым, который вел меня и все знал о моих болячках. Он сказал: на коляске ехать категорически нельзя, единственный вариант – лежа на носилках в карете скорой по-

мощи. «Аман Гумирович, а что вы сможете сделать там, на месте? Выносить из салона вас не будут, так и останетесь в машине. Кроме того, все экипажи сейчас там, у торгового центра...»

А теперь давай рассуждать, где мне в тот момент лучше было находиться: на пожаре, отозвав с места трагедии бригаду врачей, или в штабе? Ну вынесли бы меня из скорой, положили на землю. И что?

Только мешал бы, отвлекал. Зато потом стали бы говорить и писать, что приехал для показухи. Дескать, больной Тулеев хотел продемонстрировать, что он с народом. Еще решили бы, что пытаюсь разжалобить, вызвать сочувствие...

– Говорю же: все и так все знали.

– Лишь ближний круг, родные и доверенные лица. А СМИ, наоборот, только ждали, чтобы задеть за живое, пнуть побольнее...

У меня в характере, в крови чувство долга перед людьми. Но в тот раз не мог я выехать к «Вишне». Физически не мог!

Кстати, смерть Тани, моей родственницы, пресса потом дружно обошла молчанием. Хотя это трагедия для нашей семьи. Может, надеялись услышать от потерявшей дочь мамы обвинения в адрес властей и лично Тулеева. А она принципиально отказалась общаться с журналистами, толпой караулившими возле ее дома в Трещевском.

Но это было после, через пару дней после пожара. А вечером 25 марта информация о числе жертв росла в геомет-

рической прогрессии. Пошли сводки от пожарных и МЧС: продвинулись на триста метров, обнаружили еще несколько тел... Около десяти часов вечера, когда стало понятно, что люди не сумели выбраться из кинотеатра, сложилась относительно полная картина трагедии. Говорили о сорока погибших. Правда, чуть позже забрезжила слабая надежда. Один из тех, кого называли среди жертв, оказался жив: мужчина собирался в кино, но передумал. У меня в мозгу промелькнуло: может, погибших будет меньше?

Но цифра росла и росла...

– Путину еще звонили?

– Нет. Ни он, ни я. Владимир Владимирович распорядился, чтобы в Кемерово срочно вылетел министр МЧС Пучков, и принял решение тоже отправиться в Кузбасс...

– Двадцать шестого встречали президента в аэропорту?

– Нет, не смог бы туда доехать. Ждал в здании администрации.

– А в центр города как добрались из Мазурова?

– Сказал врачам, что обязан встать. Любой ценой.

Мне сделали какие-то обезболивающие уколы и честно предупредили, что такая интенсивная терапия может выйти боком, но в той ситуации выбирать не приходилось. Стало чуть полегче.

До администрации доехал на машине, а дальше помогла дойти охрана. На этаже передвигался на том самом трехко-

леснике. Врачи взяли слово, что через каждый час буду делать короткую паузу в работе, чтобы разгрузать позвоночник. Иначе могло случиться новое обострение.

Я проводил совещания, принимал отчеты аварийных и спасательных служб, выступал по телевидению, держал в уме всю информацию.

– Вам не могут забыть, как бросились благодарить Путина за приезд.

– Обязан был это сделать. Понимаешь, обязан! Президент отложил дела и прилетел в Кузбасс.

– Разве могут быть дела важнее, если люди сгорели? Его сограждане.

– Нет, в моем понимании, я должен был сказать спасибо Владимиру Владимировичу. И извиниться за то, что подвел его. Пожар ведь произошел в моем регионе.

Президент был с нами всегда – не только в дни побед и радости, но и в моменты скорби...

– Наверное, вам стоило сначала у людей попросить прощения, а потом уже перед Путиным голову склонять.

– Сразу, как стал ясен масштаб трагедии, я выступил по областному телевидению! Об этом все дружно запомнили или делают вид, будто ничего подобного не было. Но сохранилась запись: я рассказал горькую правду о постигшей Кузбасс беду, поклонился землякам, повинился перед ними, почтил память погибших и пожелал выздоровления пострада-

давшим.

Считаю, мы оперативно организовали помощь. Дня через три после пожара я начал принимать семьи погибших, каждой выдавали по миллиону рублей. Из Австралии позвонил владелец «Зимней вишни» Денис Штенгелов и перечислил деньги на дополнительные выплаты, прибавив к нашему миллиону еще по три. Из федерального бюджета поступили целевые средства. Мы открыли счет для добровольных пожертвований, на него присылали переводы со всей страны. В общей сложности собрали более двухсот пятидесяти миллионов рублей, потом поровну поделили их между семьями погибших и пострадавших.

Я принял всех лично, каждого выслушал, постарался утешить, как мог, хотя и понимал, что любые слова бессильны. Лишь с шестью семьями не встретился, в тот момент они не были готовы общаться.

– Игорь Востриков, у которого при пожаре погибли трое детей и жена, в их числе?

– Нет, с ним разговаривал. Царствие небесное его родным и всем погибшим. Не приведи господь такое горе...

Но что касается этого Вострикова, в процессе нашего общения у меня сложилось стойкое ощущение, что он отпетый циник. Страшно при мысли, что рядом живут такие люди!

Востриков пришел вместе с матерью и другой родней. Все вели себя спокойно, достойно, только он сильно нервничал, был возбужден.

Встречу с каждой семьей я начинал с минуты молчания. Всегда люди вставали, а этот остался сидеть! Как же такое возможно?! У него ведь семья в «Вишне» осталась. А человеку словно по барабану. Сразу завел разговор о деньгах. Мы с комиссией объясняем, из чего складывается общая сумма, а Востриков в ответ: «Что еще можете добавить?» Не скрою, удивился такой постановке вопроса, спрашиваю: «Сколько же тебе нужно?» Говорит: «Хочу уехать в Сочи, купить квартиру и завести там дело». – «Ну так езжай, деньги выплатят приличные». – «Мне этого не хватит».

Мать пыталась урезонить: «Как не стыдно, сынок? Что же ты сразу про деньги? Даже не вспомнил о погибших детях!» Он обругал ее. При мне! Я с трудом сдержался: «Что творишь?! Это ведь твоя мама!» Пожалуй, впервые в жизни столкнулся с таким кощунством и цинизмом. Востриков никого не стеснялся, ему на все было наплевать. Зато на публике красиво вещал, журналистам интервью раздавал, скупую мужскую слезу ронял.

Слышал, потом в Америку отправился. Когда уезжал из Кемерова, получив свое, сказал мне на прощание: «К вам и областному правительству у меня претензий нет. Но остались вопросы к МЧС, пожарным и Путину». Я вспыхнул: «Ты президента-то не трожь!»

– А откуда взялась информация, что вы, Аман Гумирович, пожертвовали пострадавшим однодневный заработок в размере пяти тысяч рублей?

– Неужели ты поверил в этот бред? Кто-то из моих недругов запустил слух, я специально выяснял, откуда растут ноги у «сенсации».

Было решение централизованно перечислить средний заработок всех сотрудников администрации за рабочий день на нужды пострадавших. Но из длинного списка выдернули именно мою фамилию. Ясное дело, с целью унижить, дискредитировать и окончательно добить. Это же глубоко продуманное оскорбление!

Пиарщики знают, как втоптать человека в грязь. Но люди в регионе помнят: я никогда не мелочился, все, что полагалось в качестве денежной надбавки к моим персональным званиям и наградам, целиком отдавал малообеспеченным, студентам, старикам. Больным детям, на лечение которых собирали по крохе всем миром, из каждой зарплаты перечислял по десять тысяч рублей. Эти суммы наша бухгалтерия списывала с меня и автоматически переводила куда надо.

– **Вы в эту «Зимнюю вишню» раньше заходили?**

– Что мне там делать? Рядовой торговый центр, перекроенный из старых цехов кондитерской фабрики. Ничего выдающегося. Обычно я ездил на открытие крупных промышленных и социальных объектов, когда появлялось что-то новое, интересное. Других целей у меня не было. К тому же любимым представителям региональных властей официально не велели в течение трех лет соваться на предприятия мало-

го и среднего бизнеса. Приняли соответствующий федеральный закон. Буквально били по рукам, предупреждая, мол, полезете с ревизией и проверками, привлечем к ответственности. Даже фраза крылатая родилась: «Перестаньте кошмарить бизнес!»

– Если рассуждать цинично, на вашем веку случались более масштабные трагедии?

– На шахте «Распадская» в Междуреченске 8 и 9 мая 2010 года произошло два мощных взрыва метана, в итоге погиб девяносто один шахтер. Но там производство, где трудились взрослые мужики, они знали о связанных с профессией рисках. А в случае с «Зимней вишней» самое страшное, что сгорели сорок детей.

В пермском ночном клубе «Хромая лошадь» в декабре 2009-го огонь унес жизни полутора сотен человек. Да сколько таких историй было! Я специально интересовался. К примеру, в 1978 году в Иране в кинотеатре заживо сгорели полтысячи человек.

Пожары в публичных местах не такая уж и редкость. Но по поводу «Зимней вишни» меня до сих пор терзают сомнения.

– Какие?

– Почему пламя моментально охватило здание? Отчего температура возгорания оказалась настолько высокой? Может, был поджог? Впрочем, у меня нет доказательств. Здание этого торгового центра словно специально выстроенная ловушка. Пожарная сигнализация не сработала, вентиляция

действовала в обратном направлении, почти все двери оказались заперты наглухо... Создается впечатление, будто кто-то заранее продумал, как максимально затруднить выход из «Зимней вишни», чтобы жертв пожара оказалось много, а трагедия прогремела на всю Россию.

Кстати, арбитражный апелляционный суд в феврале 2020 года подтвердил предыдущие решения, что мэрия Кемерово не должна была давать согласие на открытие второй очереди этого торгового центра из-за несоответствия техническим требованиям. И это зона ответственности городской администрации, но никак не областной!

Боль после «Вишни» такая, что до сих пор страшно саднит. В голове постоянно мысль: почему все случилось у меня? Почему?! Видит бог, я всегда жестко требовал соблюдения мер пожарной безопасности, массу недобросовестных собственников отправил в суды, немедленно закрывал предприятия, если получал сигнал о нарушениях. Но беда приключилась именно в Кемерово...

Пауло Коэльо, знаменитый бразильский писатель, в книге «Алхимик» проводит мысль о предназначении: все происходящее с нами предначертано и предопределено свыше. Дергайся или нет, а что должно, то и будет. Полностью согласен с Коэльо. Как говорят арабы, мактуб – «так написано».

Собственное предназначение я всегда видел в помощи людям. Не привык никого оставлять в беде. Но и быть крайним, принимать на себя чужую вину не готов. Со студенче-

ской практики не работал стрелочником...

Знаешь, меня в жизни часто выручал инстинкт, и тут он должен был подсказать: уходи немедленно, Аман, оставляй губернаторство. Но в тот раз почему-то не случилось.

– Никакого предчувствия?

– Ноль! Хотя я мог бы насторожиться: время идет, а Цивилев не едет. Пауза явно затянулась. Впрочем, даже в случае моего ухода зимой 2017–2018 годов, как планировалось, трагедия все равно случилась бы.

– Морально вам было бы полегче? Дескать, слава богу, не при мне?

– Считаю, я чист перед Господом и людьми. Не скрою, думал об этом: ну, ушел бы в январе, за три месяца до пожара, и что принципиально изменилось бы?

Вот если бы сложил полномочия осенью 2017-го, после разговора с президентом, получился бы другой расклад. В первую очередь психологически. Хотя, конечно, переживал бы из-за погибших не меньше. Люди сгорели – от этого факта ничем не заслонишься.

– После «Вишни» вас заставили написать заявление об уходе?

– Нет, никто не принуждал. Сам принял решение. Коль приключилась такая беда, посчитал невозможным продолжать работу губернатором. С моральной точки зрения. Правда, хотел дождаться, пока минует сорок дней после трагедии. Есть на Руси такой обычай... Но из администрации прези-

дента попросили не тянуть, раз уж собрался уходить. Мол, зачем откладывать?

И еще настоятельно рекомендовали воздержаться в прощальном заявлении от любых резких фраз. Я пообещал, но на запись обращения к землякам все равно приехали полпред президента Сергей Меняйло и два эфэсбэшника из Новосибирска. Стояли над душой, пока не закончил писать телеобращение. Лишь тогда вздохнули с облегчением. Меняйло сразу отправился докладывать по ВЧ-связи: задание выполнено, лишнего Тулеев не ляпнул.

В итоге ушел 1 апреля, в День смеха, хотя мне и тогда было не до шуток, и сейчас. С болью вспоминаю беду, из-за которой оставил пост, а главное – незавершенные дела. Не привык бросать недоделки, всегда довожу все до ума. Кстати, не припоминаю случая в постсоветской России, чтобы кто-то из крупных руководителей подал в отставку по моральным соображениям. Своего рода прецедент.

Тем не менее на меня и почти два года спустя продолжают лить тонны грязи, словно счета сводят, мстят за что-то.

Вот вся история «Зимней вишни» и моего ухода от начала до конца. Как на духу.

– Вы оговаривали персональные условия отставки?

– Не до того было. Потом, когда со всех сторон хлынула целенаправленная циничная грязь и в эпицентре «поливки» оказались не собственники торгового центра, правоохранительные органы, управление МЧС и городские власти, а

один лишь Тулеев, понял, что вынужден сам защитить свое имя, никто за меня этого не сделает. Чтобы получить возможность высказаться с публичной трибуны, решил идти в Кемеровский областной совет народных депутатов до осени 2018-го, до следующих выборов. Это была и отдушина, поскольку не привык сидеть сложа руки, и, повторяю, шанс постоять за себя. Сообщил о решении в Москву. В администрации президента, кажется, не очень хотели, чтобы я шел в депутаты, но потом согласились. Видимо, подумали, что опасаться нечего, меня все равно не выберут.

А на сессии за мою кандидатуру на пост председателя облсовета проголосовали тридцать восемь человек из тридцати девяти присутствовавших на заседании. Практически единогласно. Против высказался лишь депутат от ЛДПР.

– Вы уже упоминали пермскую «Хромую лошадь», где 5 декабря 2009 года погибли сто пятьдесят шесть человек. В 2010-м губернатора Олега Чиркунова переназначили на должность, и полномочия он сложил лишь в апреле 2012-го, после чего сделал всем ручкой. Сказал чао-какао и уехал во Францию.

– Да, официально заявил, что выбирает эту страну в качестве места проживания.

– Он прав?

– На мой взгляд, нет.

Про отъезд за рубеж судить не могу, личное дело человека. Но, уверен, после подобных трагедий, как с «Вишней»

или «Лошадью», глава региона не имеет права оставаться у руля. Я ведь сразу сказал, что ухожу не из-за давления Кремля или воплей митингующих, которые, словно по команде, вышли 27 марта 2018-го на центральную площадь Кемерово. Это, кстати, отдельная тема. Никто не стал разбираться, откуда вдруг возникли накачанные молодые ребята, не имевшие отношения к тем, чьи близкие пострадали при пожаре. Родственников погибших на площади было мало, включая Вострикова. В основном засланные казачки.

Как всегда, нашлись те, кто попытался использовать беду, чтобы накалить обстановку, посеять панику и недоверие, стравить, столкнуть людей между собой. В соцсетях моментально стали распространять кощунственное вранье о сотнях погибших на пожаре. Писали о забитых трупами моргах, чуть ли не о семистах сгоревших.

Все очень походило на заранее спланированную и продуманную провокацию с целью раскачать толпу, направить протест в нужное русло, фактически устроить второй майдан, как на Украине.

Этого не случилось, но я уже принял решение об уходе. Думаю, нормальные люди не истолковали мой поступок как слабость и капитуляцию. Даже из-за границы получал письма поддержки. Дескать, так и обязан вести себя настоящий руководитель, а пример Тулеева попадет в учебник истории.

– Как отреагировали на отставку вчерашние соратники?

– Чиновник – особая каста. Всегда повторял подчиненным: вот уйду на покой – и через три дня забудете и имя мое, и отчество. Говорить-то говорил, но все же не думал, что столь быстро открестятся...

Эта публика массово меня не поддержала, быстренько переметнувшись на сторону сильного. Повели себя, будто не я ставил их на должности, не было многих лет совместной работы, не шли мы к общей цели. Видимо, такова человеческая природа, а я оказался излишне доверчив, не распознал подхалимов и лицемеров. Признаю: собирая команду, ошибался в людях... Смириться с подобным сложно. Невозможно!

Психологи советуют: надо учиться отпускать ситуацию. Остается лишь повторить за графом Львом Толстым: простить могу, но вот обнять уже не получается... Зато поучительно: все встало на свои места, я понял, кто есть кто. Как говорят, порой надо принимать неправильные решения, чтобы увидеть, кто с тобой, когда все рушится. Действительно, жизнь в полосочку...

Конечно, не все отвернулись. Дмитрий Исламов, до избрания в 2016-м в Госдуму работавший моим замом в правительстве области, заезжает, чтобы рассказать о столичных новостях. На связи я и с Сергеем Григорьевым, заместителем гендиректора компании СУЭК. Замечательный человек! Спасибо ему за поддержку.

С другой стороны, понимаю: те, кто еще вчера клялись в верности и произносили цветистые речи, живут в страхе за

семью, детей, место под солнцем, боятся потерять хлебное место, привилегии, должность... Вхожу в положение, пытаюсь принять логику, простить, однако как это сделать, если иные особо усердные товарищи не только отвернулись, но и обильно льют грязь? А часть еще и в суды стала подавать. Могли бы и промолчать. Зачем открыли рты?!

Ясно, что раздражаю своим присутствием в Кузбассе, вот и поставлена задача: стереть память обо мне, а если не получится, очернить, перемазать имя дерьмом. Дошло до публичных рассуждений, дескать, в Кузбассе за последние двадцать лет ничего хорошего не сделано и теперь приходится возрождать область практически с чистого листа, с нуля. Слово раньше здесь была дикая территория с выжженной землей, ледяная пустыня! Вот сейчас заново все отстроят, и регион моментально станет «первым за Уралом».

Как можно нести такую ахинею? Считаю это прямым оскорблением земляков.

Раньше к моему мнению прислушивались, а теперь его можно игнорировать, не замечать. Поэтому на душе так хреново. Привык ощущать себя личностью, а не сбитым летчиком. И это ничем не вылечишь.

Хотел бы иметь возможность советовать, участвовать в обсуждениях и совещаниях. Ошибка нынешней областной администрации, что не дали такого шанса. У меня нет личных амбиций, зато есть огромный опыт, который мог бы еще пригодиться. Обидно, что его не используют.

Знаешь, иногда складывается впечатление, что людей припугнули: тому, кто подойдет к Тулееву, сильно не поздоровится. Даже с семидесятипятилетием поздравить, как положено, не дали. О юбилее написал лишь «Кузнецкий рабочий». Да и эта газета – по настоянию железнодорожников. Остальные областные СМИ предпочли промолчать.

– Почему вы не уехали из Кемерова?

– Куда?! Ну куда, скажи, я уеду? Да и на какие шиши, откровенно говоря?

– Неужели за двадцать лет губернаторства не заработали на достойную старость? Ни вилл, ни яхт? В России так не принято.

– Ты вот ерничаешь, а я ведь согласился на этот разговор, да и на книгу в целом не для того, чтобы оправдываться перед кем бы то ни было или пытаться разжалобить.

Хочу поделиться опытом. Пусть и горьким. О наболевшем рассказать. Вдруг смогу предостеречь хоть кого-то от повторения моих ошибок?

Теперь отвечаю по существу. Нет у меня ни недвижимости заморской, ни счетов тайных. Не заработал. Или, называя вещи своими именами, не наворовал.

В девяностые царила такая бесконтрольность и анархия, что можно было, не особо напрягаясь, на три виллы скопить, еще и на пару шале осталось бы... С житейской стороны я, наверное, наивный простофиля. Но так воспитала мать. Она постоянно говорила об ответственности за каждый пройден-

ный шаг.

Вот и не знаю – то ли я самый честный, то ли самый глупый. Но не мог я брать чужое. Хоть убей!

– Вы же помогали делать народное добро частным. Неужели бизнес в качестве ответной любезности не предлагал позолотить ручку?

– Да, я поддерживал многих собственников, чтобы реанимировать остановившиеся предприятия. И у людей опять появилась работа, они начали получать зарплату.

Ты прав: новые хозяева заводов и шахт не раз намекали, что готовы поделиться, передать пакет акций или выплатить премию. Клянусь, когда заводили об этом речь, отвечал: ребята, давайте не будем, мне этого не надо. Пресекал подобные разговоры на корню.

Все крупные собственники, работавшие в области, знали: Тулеев откатов не признает и взятки не берет.

Были в курсе об этом в правительстве, администрации президента, правоохранительных и, как принято говорить, компетентных органах. Информацию можно проверить. Спроси у парней из списка Forbes, ставших здесь миллиардерами. Они зарабатывали, а я себе ничего не брал. Не мог.

– Жалуете? Честно.

– Наверное, все-таки нет. Есть другое: не устаю удивляться человеческой неблагодарности. Сейчас я оказался в тяжелом положении, и те, кого ставил когда-то у руля круп-

нейших предприятий области, мигом забыли о существовании Тулеева, хотя могли бы приехать к бывшему губернатору, сказать: «Аман, мы бок о бок шли по жизни, многим обязаны тебе. Скажи, нужна какая-то помощь? Теперь наш черед прийти на выручку».

Брали бы пример с президента! Владимир Владимирович помнит обо мне и после отставки. В августе 2018-го поздравил по телефону с Днем шахтера, 13 мая 2019-го позвонил на мой юбилей, а через пару недель лично вручил в Кремле орден «За заслуги перед Отечеством» I степени...

Знаю, у многих собственников я вызывал раздражение тем, что не терпел воров, подавал в суды из-за задержек зарплаты работникам предприятий, уклонения от налогов и вывода денег из области в офшорные зоны, категорически выступал против бесконтрольной выдачи лицензий на добычу угля в Кузбассе.

Конечно, таким хозяевам я стоял поперек горла.

Но есть и порядочные руководители, я бы сказал, штучные люди.

Совладелец «Кузбассразрезугля» Андрей Бокарев после моего семидесятипятилетия заезжал в гости, когда был в Кемерове. Хорошо пообщались, по-человечески.

И Владимир Рашевский, гендиректор СУЭК, по-прежнему поздравляет с праздниками, время от времени звонит, интересуется делами, здоровьем.

Но это скорее исключение из правил, остальные знакомые

бизнесмены и не шелохнулись, не подумав чем-то помочь. Я не стал бы ничего брать у олигархов, но хотя бы спросить? Ведь в свое время приложил массу усилий, чтобы рабочие пошли за новыми собственниками, не устраивали забастовок, митингов. А сколько бандитов, разворовывавших производства, я отстранил? Меня и отравить хотели, и подстрелить... Какую только пакость не замыслили.

– В каком смысле – подстрелить?

– Помнишь братьев Живило и их МИКОМ? Сначала был план подослать убийцу с пистолетом или снайперской винтовкой, потом остановились на варианте с ядом. Наняли Александра Тихонова, прославленного нашего биатлониста, четырехкратного олимпийского чемпиона, которого я очень уважал и даже гордился, что такой человек родом из Сибири, и его младшего брата Виктора. Уже и аванс заплатили, около двухсот тысяч долларов. Заказчиков сдал киллер. Видимо, струсил. Прибежал в ФСБ и все рассказал.

Потом по решению суда Тихонов-младший отсидел несколько лет в колонии...

Поэтому, возвращаясь к твоему вопросу, повторяю: не жалею, что жил честно, хотя определенная обида на собственников осталась, скрывать не буду.

Впрочем, если почитать интернет, у Тулеева полно денег. Припомнили все, включая почетные звания, которые я получил за двадцать лет в разных городах и районах области. Да, к ним полагается ежемесячная выплата: где-то пять ты-

сяч рублей, где-то – десять. Но эти деньги, повторяю, я всегда отдавал людям. О чем сообщал публично. Ни копейки не брал себе.

– **У вас же есть и какая-то специальная пенсия.**

– Доплачивают пятьдесят тысяч рублей в месяц как народному губернатору. Звание мне присвоили в 2011 году. До ухода в отставку и эту сумму передавал студентам-инвалидам. Знаю, в иных регионах надбавки бывшим главам субъектов составляют по двести тысяч рублей. А то и больше. Я же вечно скромничал, боялся, что упрекнут в непомерном аппетите, осудят. Вот и зарплату себе с командой, дурак, положил самую низкую в Сибири.

– **Сколько вы получали?**

– Сто тридцать тысяч рублей. Поэтому и государственная пенсия такая – двадцать шесть тысяч. Плюс – сто пятьдесят три тысячи как орденосцу и чиновнику высокого ранга. У Эльвиры пенсия – тринадцать тысяч. Вот и все наши «миллионы». А вокруг орут: Тулеев богач!

Да, по меркам Кузбасса сумма приличная, но зависит от того, с чем и кем сравнивать...

Словом, если говорить прямо, хреново у меня все закончилось, неправильно.

Надо бы уже уgomониться, успокоиться, однако пока не получается. Злюсь. В первую очередь на себя. И на других! За грязь, льющуюся с разных сторон. Впечатление, что бросили на растерзание и перешагнули, словно и не было губер-

натора Тулеева. Неправильно это.

Никакой социальной защиты для бывших региональных руководителей у нас, по сути, нет. Даже в советское время об этом больше заботились, оставляли бесплатный проезд в отпуск, санаторно-курортное лечение, персональные надбавки были весьма ощутимыми. А сейчас ушел с поста – и все, живи как хочешь. Да, в 2011 году в Кемеровской области приняли тот самый закон о статусе народного губернатора, но какой в нем прок, если этим документом можно легко пренебречь?

Система будто подталкивает, чтобы воровал, пока при власти. Я двадцать лет руководил регионом, а сегодня должен идти и просить обычную путевку в дом отдыха. Или покупать в турфирме. Понятно, не стану этого делать, хотя неиспользованных отпусков у меня года на два набралось. Сгорели без следа... И из Мазурова пришлось съехать, хотя по закону должны были оставить жилье, которое я занимал на момент отставки.

– Что Эльвира Федоровна? Ворчит?

– Никогда в жизни ничем меня не попрекнула. Наоборот, старалась уберечь от любых соблазнов. Так ее воспитали. Помню, случай был в Междуреченске. Мне передали конверт, а в нем – двести пятьдесят рублей, огромная по тем временам сумма. Оклад инженера составлял сто двадцать.

Я принес деньги домой. Когда Эльвира вытащила новенькие хрустящие купюры, у нее руки затряслись. «Отдай обрат-

но! Что ты делаешь?!» До сих пор не могу забыть читавшиеся на ее лице испуг и изумление. На следующий день я пригласил человека, передавшего конверт, и сказал ему: «Забери». Он искренне хотел отблагодарить меня за помощь и не понял, чем вызваны перемены в моем настроении. Не стал я ничего ему объяснять. Если бы оставил деньги себе, никто об этом никогда не узнал бы. Но мне хватило реакции жены, чтобы сделать выводы и больше не повторять эксперимент...

Максимум, на что соглашался, мог пообедать с кем-то из москвичей и позволить им закрыть счет. Но в Кемерове сам за всех платил. Внутренне гордился этим, хотя, по-моему, никто не обращал внимания на такие мелочи.

– А как вы себя чувствовали рядом с коллегами-губернаторами?

– В чужую жизнь не лез. Но замечал, что они живут совершенно иначе, с размахом. Я же видел, кто в какой гостинице остановился, сколько за номер платит, что в ресторане заказывает. С другой стороны, я спокойно спал по ночам. Знал: придраться не к чему, как бы ни старались. Когда совесть нечиста, постоянно довлеет страх: а вдруг кто-то донесет, придут с проверкой и что-нибудь найдут.

В этом смысле я был защищен, а это уже полдела. Нельзя найти то, чего нет.

– Уже спрашивал, почему не уехали из Кемерова после отставки. Ладно, не нажили виллу на Лазурном Берегу, но хотя бы в Новосибирск к сыну Дмитрию

могли бы податься.

– Зачем?

– **Чтобы не мозолить глаза, не провоцировать недоброжелателей.**

– Какая разница, где читать о себе гадости – в Новосибирске, Кемерове или в Рио-де-Жанейро? Это же интернет, он нынче повсюду. Кроме того, я привык жить дома, мне везде будет плохо.

– **Юрия Лужкова в 2010-м сняли с должности московского мэра с формулировкой «в связи с утратой доверия». Он отсиделся за границей, потом перебрался в Калининградскую область. До конца жизни гречиху выращивал, пчел разводил, телят пас... Старые грехи простили, опальный Юрий Михайлович снова стал уважаемым аксакалом.**

– Что ты сравниваешь меня с Лужковым, у которого жена миллиардер и были огромные связи? Кстати, он прислал телеграмму после моей отставки: «Очень ценю. Честный, мужественный поступок. С приветом, твой Лужков». Земля ему пухом... Серьезно поддержал патриарх Кирилл. Еще одно ценное для меня послание пришло от Героя Советского Союза Геннадия Зайцева, легендарного командира группы «Альфа». Были телеграммы из Казахстана, Беларуси, Донбасса, разных областей России и, конечно, от земляков-кузбассовцев.

Но мне не сочувствие и сострадание нужны, а реальное

дело, в которое мог бы погрузиться с головой. Какой смысл рассуждать, что стало бы, если бы да кабы?.. Все равно что пилить опилки. Мне семьдесят пять, я уже не такой прыткий, как раньше. Больная спина такой и останется, будет постоянно напоминать о себе. Не смогу много ходить, ездить, летать, уже никогда не почувствую себя физически полноценным человеком.

– Но, согласитесь, Кузбасский региональный институт развития профессионального образования – утешение слабое. Вот совсем жиденькое.

– Не соглашусь. Сам попросил назначить меня ректором в КРИПО. Мог войти в совет директоров крупной компании, стать советником председателя правления в каком-нибудь банке или производственном объединении. Была бы машина, личный кабинет. Но зачем мне должность свадебного генерала?

А с КРИПО интересно получилось: 30 октября 2002 года я подписал распоряжение об образовании института, как говорят, зложил первый камень в фундамент. Делал это осознанно, уже тогда понимал, что рабочие профессии всегда будут нужны. Без них невозможно развитие экономики. Кто знал, что спустя шестнадцать лет, 17 сентября 2018 года, возглавлю КРИПО, стану его ректором? Вот как в жизни бывает!

Сейчас налаживаю связи с производственниками, читаю лекции, работаю с преподавателями.

– **А почему не пошли в Совет Федерации?**

– Справедливости ради, мне никто не предлагал портфель сенатора, но я и сам отказался бы, поступи предложение. И мысли такой не возникало. Зачем это? Институт пришелся по душе.

– **Не ваш масштаб, Аман Гумирович.**

– Может, и не мой. Разве спорю? С другой стороны, кто мне сейчас его даст, масштаб? Надо реально смотреть на вещи.

Всю жизнь стараюсь никого ни о чем не просить. Правда, обратился к президенту, когда в августе 2018-го он проводил совещание в Кемерове. Владимир Владимирович позвонил мне и спросил, все ли в порядке, есть ли просьбы. Я ответил, что мое единственное пожелание – сохранить нам с Эльвирой медицинское обслуживание на том уровне, на котором оно было, пока работал губернатором.

Слышал, как президент тут же дал поручение и велел проследить, чтобы все исполнили. Потом ко мне обратился: если что надо, звони. Вот такой разговор состоялся...

Поддержка Владимира Путина в тот момент была очень важна, она пригасила девятый вал негатива, который подняли в прессе вокруг моего имени. Я прекрасно понимал, кто и зачем заказал кампанию, но от этого, согласись, не легче.

Знаю, часто запоминается последнее, и одна ошибка способна испортить даже безупречную биографию. Но не хочу, чтобы обо мне говорили, дескать, это тот, кто ушел после

пожара.

К сожалению, пока тут ничего не исправишь. Лишь ждать и терпеть. С другой стороны, я получил и немало писем с благодарностью. За двадцать лет Кузбасс радикально изменился к лучшему: построены сотни предприятий, снесены жуткие бараки, открыты больницы и современный перинатальный центр, проложены сотни километров современных автодорог. Перечислять можно до вечера. Но еще одно достижение назову: у нас выстроена одна из самых мощных социальных защит в России.

Две тысячи триста семей получили из моих рук ключи от квартир – с ипотекой в ноль процентов и двадцатилетней рассрочкой, без первоначального взноса. Разве такое может забыть человек?

В 2016 году я добился принятия закона, который запрещал в Кузбассе деятельность кошмаривших людей коллекторов. Потом опыт распространили на всю страну.

Постарался преобразить Горную Шорию. Построили автодорогу до Таштагола, создали инфраструктуру, превратив отсталый район в привлекательный туристический регион.

Старожилы знают: это сделано при Амане. Конечно, чем дальше, тем быстрее забудется, сотрется из памяти. Все естественно. Что тут скажешь, жизнь...

– Вы постарались, чтобы вас подольше помнили. Многих раздражают таблички, которые вы лепили на все подряд: храмы, скамейки, памятники, велосипе-

ды. Куда ни глянь, везде «Подарок губернатора Тулеева». Вы ведь не на свои кровные покупали...

– Поспорю! Если вкладывал личные сбережения, так писал. Но гораздо чаще привлекал внебюджетные средства, спонсоров, крупных собственников, в том числе из Казахстана. Обязательно их перечислял, никого не забывал, не обижал.

– А автобусы «от Тулеева»?

– На них не было написано, что это мой подарок. Я размещал пожелания: «Дорогие земляки! Здоровья вам, удачи! С уважением, губернатор Тулеев». Сам подумай: стоишь на остановке, скучаешь, а тут подходит автобус с теплым напутствием... Это психологический ход. Нет, автобусы от своего имени не дарил, заставлял бизнес выделять деньги на благие дела. Транслировал собственникам месседж: ребята, надо отремонтировать библиотеку, сам больше зарплаты дать не могу, помогайте.

– Кемеровскому аэропорту вы дали имя космонавта Алексея Леонова, но на памятной доске в честь этого события рядом стоит и ваша фамилия.

– Ну и что? Это же моя инициатива! Мы с Алексеем Архиповичем много раз встречались, он рассказывал мне неизвестные детали выхода в открытый космос, едва не обернувшегося трагедией, о гибели Юрия Гагарина и другие эпизоды, о которых, как говорится, не пишут в газетах...

Леонов ушел от нас в октябре 2019-го, его имя решено

увековечить на государственном уровне, а я аэропорт назвал еще в декабре 2012-го, Алексей Архипович сам приезжал на открытие. Живых надо любить при жизни, а ушедших – помнить!

Смотри, сколько лет прошло с нашего переименования, и теперь по всей стране делают то же самое. Шереметьево – имени Пушкина, Внуково – имени Туполева... И так далее. А пример подал я.

– Справедливости ради, ни улиц, ни площадей Тулеева в Кузбассе нет. Хотя, наверное, могли бы появиться.

– Даже не сомневайся! Стоило только бровью повести. Но я никогда к этому не стремился. Зато имена прославленных земляков давал десятки раз. Часто – при жизни героя.

А ты в курсе, кто первым в России объявил Рождество Христово выходным днем? Тулеев! Клянусь. В 1990 году праздник узаконили в Кузбассе, и лишь потом решение поддержали на государственном уровне, и в Рождество стали отдыхать по всей стране.

И Радоницу, день поминовения усопших, тоже я официально сделал нерабочим: езжай на кладбище, навещай могилы родных, крась оградки, сажай цветы.

В 1994-м Кузбасс первым стал отмечать День матери, а через четыре года, в 1998-м, праздник сделали общероссийским.

Нужны еще примеры?

Мне удалось удержать самые низкие в России тарифы за проезд на общественном транспорте, добиться, чтобы с четверга по понедельник всех наших ветеранов и пенсионеров бесплатно возили на дачу на электричках и в автобусах.

– Чтобы потом они шли на избирательные участки и голосовали за вас?

– Знаешь, сейчас никого за руку на участки не приведешь, отдать голос по приказу не заставишь. Да, все говорили, мол, электорат Тулеева – бабки и дедки. Ничего подобного.

Область мощно заботилась и о молодежи. Я постоянно награждал отличников учебы и тех, кто совершил что-то особенное, героическое. Спас, к примеру, ребенок кого-то на пожаре или вытащил тонущего из воды, ему вручали ленту и серебряную медаль «Надежда Кузбасса». Я вкладывал в эти награждения большой смысл, хотел, чтобы знак отличия стал для мальчишек и девчонок чем-то вроде маяка в жизни, ориентира.

Скольким семьям в тяжелые годы помог выжить: многодетным бесплатно выдавали коз, кур, овец, пенсионерам привозили продуктовые наборы, уголь, детям дарили велосипеды...

Если молодые люди женились в День шахтера в городе, где его проводили, они получали пятьдесят тысяч рублей и ссуду на покупку квартиры без первоначального взноса и под ноль процентов. Студентам-отличникам выделялись гранты, выдавалась компенсация за аренду жилья.

По моей инициативе открыли учебные учреждения для одаренных детей из малообеспеченных семей – губернаторскую кадетскую школу, многопрофильный лицей-интернат, женскую гимназию-интернат.

Да разве все перечислишь? Повторяю, это была продуманная система, дай бог, чтобы она действовала постоянно и дополнялась другими льготами. Если мои шаги в этом направлении отменяют, это будет ошибка. Стратегическая.

Но цены на проезд уже подняли. Старикам и молодым, вынужденным считать каждую копейку, вряд ли это понравилось. Да и по ЖКХ цены пошли вверх...

И не надо думать, будто я пытался купить народ, задобрить. В Кузбассе такой фокус не пройдет. Люди чувствуют отношение к себе. И далеко не все измеряется рублем.

Скажем, в середине нулевых предложил учредить звание Героя Кузбасса, продумал четкую систему региональных наград. Злые языки судачили, мол, Тулеев раздает побрякушки. Ничего подобного. Во-первых, медали и ордена изготовлены из золота и серебра с драгоценными камнями. Да и денежные доплаты к наградам положены, что тоже немаловажно. Во-вторых, и это главное, люди ощутили, что их труд оценивают по достоинству.

Кстати, и звание Героя Труда на уровне страны тоже ввели позже, чем у нас, лишь в 2013 году.

– Ну и вас не забывали, награждали регулярно. Даже в отставке.

– Да, высшего ордена «За заслуги перед Отечеством» я удостоился уже после ухода с поста. Честно говоря, не надеялся на фоне тех помоев, которые вылились из-за «Вишни». Думаю, решение принимал лично Владимир Владимирович. Значит, то хорошее, что удалось мне сделать в жизни, не перечеркнуто. Глубоко благодарен президенту за оценку моего труда, очень горжусь этой наградой.

А ты знаешь, сколько полных кавалеров ордена «За заслуги»? Пятьдесят четыре человека. Среди них лишь несколько губернаторов и глав субъектов. Теперь вот я в этом почетном списке...

Покривлю душой, если скажу, будто был безразличен к регалиям и знакам отличия.

С другой стороны, всегда стеснялся повышенного внимания к своей персоне. Когда был молодым, любил банкеты, на которые собиралось много народу и где в мой адрес звучали цветистые речи. В глубине души понимал, что льстят, льют бальзам в уши, желая угодить, но все же было приятно. Однако и польза от застолий имелаась. Как говорится, что у трезвого на уме, у пьяного – на языке. Всю подноготную выкладывали. А я сидел и внимательно слушал...

– Какой год вашего губернаторства оказался самым тяжелым?

– Первые три, когда принял область – с забастовками, голодовками, закрытыми шахтами и неработающими предприятиями, с перекрытием Транссибирского хода.

И 2018-й – с «Зимней вишней» и с тем, что за ней последовало. Не было у меня периода труднее и страшнее. Во-первых, не знал, куда себя деть из-за трагедии, без конца мысленно возвращался к случившемуся, да и во сне кошмары преследовали. Во-вторых, остро ощутил свою ненужность. Просыпался, а телефон молчал, никто не звонил. Час, два, три... Раньше никогда такого не было. Словно и нет Тулеева. Ощущение брошенности морально убивало.

Я ведь раньше все дни проводил в работе, без выходных и отпусков. Даже во время болезни старался не сбавлять темп. Уже рассказывал, что лишь в последние год-два перестал мотаться по области, руководил из кабинета. Но все равно держал руку на пульсе, сам не расслаблялся и другим не давал. А после отставки все вдруг замерло.

– Пить с горя не начали?

– Ну это точно не про меня. К тому же алкоголь несовместим с лекарствами, которые приходилось принимать горстями. Включая успокоительное. Иначе не мог заснуть.

– А стояла ли власть этих мучений? Все равно ведь в итоге оказались у разбитого корыта.

– Да, стояла. Мне было интересно жить и работать. Горжусь, что много сделал. Очень много!

К сожалению, у некоторых людей память короткая, забыли, что было двадцать лет назад, какой скачок в развитии совершил Кузбасс.

А я хорошо помню то время. Экономика все девяностые

годы падала – то медленнее, то быстрее. Вместо расчетов деньгами – бартер, неплатежи, полубандитская приватизация, бешеная инфляция, скачущий рубль, дефицит бюджета, дефолт... Когда начинал, люди часами стояли за хлебом, чернилами записывали на руке номер очереди. Потом разгорелась «рельсовая война»...

В нулевые были свои проблемы. На мою долю выпало три кризиса.

Да что вспоминать?..

А сейчас!

Ради интереса прокатись по скоростной автомагистрали между Кемеровом и Новокузнецком. Гнать можно хоть сто тридцать километров в час. Как в Германии! Эта дорога мне тяжело досталась, денег в казне не было, кроме того, почвы в том районе проблемные: то ручьи, то глина. Много еще предстоит доделать, но и то, что уже удалось, считаю большой нашей победой.

Я ушел, оставив бюджет с профицитом. Если бы мне кто-нибудь передал такое отлаженное хозяйство, да еще столько денег, ух, развернулся бы...

Конечно, я не ангел, у меня хватает недостатков, но, уверен, никто не посмеет сказать, будто Тулеев думал о себе, а не о людях. Казалось бы, уж как мы конфликтовали с Кислюком, которого Ельцин назначил главой администрации Кемеровской области в августе 1991 года, но после его отставки я не бросил косога взгляда в его сторону. Хотя Михаил

Борисович много тут накуролесил.

Правда, был случай, когда в какой-то городской больнице уволили уборщицу, оказавшуюся дальней родственницей Кислюка, и меня тут же принялись упрекать, мол, хочу уничтожить весь его род до седьмого колена. Хотя я ни слухом ни духом. С тех пор зарекся говорить в адрес предшественника даже слово. Когда спрашивали о нем, отвечал, что не по-мужски обсуждать человека за глаза.

И шаги преемника, Сергея Цивилева, не критикую. Зачем? Пусть работает, показывает, что умеет.

Ведь нерешенных вопросов по-прежнему хватает. Скажем, проблема защиты экологии стоит остро. И дело не только в угольной пыли, как пытаются показать. Выбросы алюминиевого или ферросплавного производства не менее вредны. Тот же оксид азота не имеет цвета и запаха, но, сгорая, может превращаться в диоксид, а это уже ядовитый газ, раздражающий слизистую, вызывающий кислотные дожди.

Или другая тема – объемы добычи угля. В последние годы на меня страшно давили, требуя согласия на разработку новых месторождений, открытие шахт и разрезов. Упирался как мог, противясь увеличению добычи.

Вспомним землетрясение в Белове в 2013-м. И сейчас область постоянно трясет, толчки в два-три балла стали обыденностью. Но это же страшно!

В свое время я проводил совещания с учеными. Одни уверяли, что подземные выработки и взрывы снимают напряже-

ние земной коры. Другие с пеной у рта доказывали, что колебания накладываются и могут резонировать. Опираясь на мнение большинства сейсмологов, я настаивал, что двести миллионов тонн угля в год – предел для Кузбасса.

Дальше наращивать объемы опасно. В геологии есть понятие «наведенная техногенная активность», она значительно выше природной. Нельзя забывать и то, что под Кузбассом находятся более пяти тысяч километров подземных выработок, в которых может скапливаться метан. За ними надо следить днем и ночью. Эти пустоты – страшная угроза для области!

Двухсот миллионов тонн с лихвой хватает, мы полностью удовлетворяем потребности России. Основная часть угля идет на экспорт в шестьдесят стран мира, там свои месторождения законсервировали, берегут экологию для будущих поколений, а мы все добываем и везем за кордон... Если в начале нулевых годов за рубеж отправлялась каждая шестая тонна добытого в стране угля, то сегодня – уже почти каждая вторая. Между тем поставлена задача: довести добычу угля до трехсот пятидесяти тонн в год. Мне жутко от этой цифры!

И мощность взрывов на разрезах надо уменьшать. В свое время я даже издавал специальный приказ. Сейчас используется по шестьсот тысяч тонн взрывчатки за год. Огромная, колоссальная мощность! Кроме того, в отвалы перемещается более миллиарда кубометров горной породы. Сколько земля еще будет терпеть? Страшно боюсь сильного землетрясения,

жертв, разрушений. Не дай бог!

– **Вы оформили инвалидность, Аман Гумирович?**

– Нет.

– **Почему?**

– Да как-то неловко мне. Кроме того, не теряю надежду победить недуг. Сейчас хожу лучше, чем даже весной прошлого года.

Двадцать пятого марта 2019-го собирался пойти на траурное мероприятие, приуроченное к годовщине пожара в «Зимней вишне». Хотел положить шестьдесят роз к обелиску, постоять с людьми, поплакать, сказать, что разделяю общее горе. Племянницу вспомнить, Таню...

Утром 25-го, когда уже выезжал на проспект Ленина, позвонили из областной администрации, попросили не ходить на панихиду. Даже не так: категорически запретили. Я попытался выяснить причину, но мне не стали ничего объяснять. Нет – и все! Конечно, я очень расстроился.

Возложил цветы с траурной лентой на следующее утро, специально заехал перед работой. А в обед моего букета уже не было... Видимо, поступила команда убрать цветы от Тулеева с глаз долой. С этим, увы, ничего не могу поделать, бессилён. И в отставке мешаю кому-то жить. Даже знаю, кому именно...

– **Если сравнивать политиков девяностых годов и нынешних, кому отдадите предпочтение?**

– В девяностые личности попадались яркие, ораторы пре-

красные, но настоящей команды на самом верху не было, каждый тянул одеяло на себя. Многие откровенно шли во власть, чтобы потуже набить свой карман. Правительство и Кремль особо не волновало, что происходило в регионах. Лишь бы народ сидел тихо, не бунтовал и не вякал. Москва редко выполняла обещания, постоянно приходилось драться, выгрызая каждую крошку. Даже когда удавалось вытрясти деньги, совсем не факт, что тебе их потом перечислили бы.

Сейчас лучше. Конечно, воры и циники никуда не делись, но хоть что-то решается. Да и денег области выделяют столько, сколько я за все годы губернаторства не получал.

– А с точки зрения человеческих качеств?

– Я мало с кем общался из последних министров. Чтобы человека понять, надо сесть, поговорить за жизнь, может, чарку-другую поднять... У меня не было возможности с кем-то близко сойтись.

– Вот еще о чем спросить хочу... Вы вишню едите, Аман Гумирович?

– Ягоду? Вырос на ней. Раньше больше всего любил черешню и вишню. Так еще с Кубани повелось, где я провел юность. Мог запросто пару кило уговорить за один присест.

И варенье вишневое обожал, и вареники.

А сейчас нет, не ем. В рот не беру. Как отрезало. И не знаю, смогу ли когда-нибудь. Наверное, уже не получится.

Память не сотрешь, как ни старайся, подсознание не выключишь. Вот и Эльвира перестала покупать черешню с вишней, следит, чтобы на столе их случайно не оказалось.

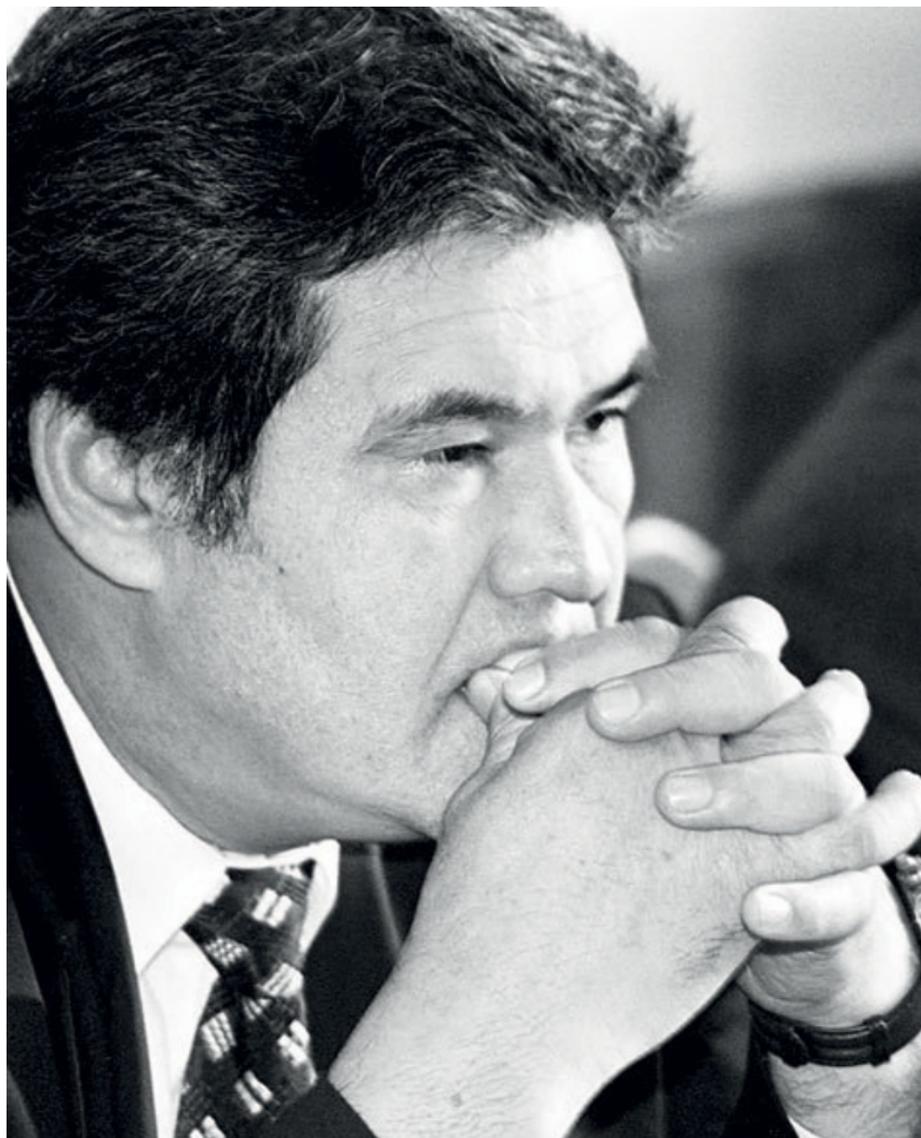
– Вы попросили?

– Однажды принесла домой с рынка, я увидел, сказал: «Убери. Извини, не смогу есть». Она сразу все поняла.

Казалось бы, причем тут ягода, а перебороть себя не выходит. Горькой для меня вишня оказалась.

Почти как в известной песне: сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду – я один...

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

из личного архива А. Г. Тулеева

О юбилее

Тринадцатого мая 2019-го мне исполнилось семьдесят пять лет.

Прожита большая, сложная и интересная жизнь. Можно подводить итоги, расставлять акценты.

О чем мечтать в таком возрасте, чего желать? Здоровья в первую очередь. Раньше произносил это слово на автопилоте, не особо задумываясь над смыслом, и лишь теперь дошла его истинная глубина и значимость. С морально-боевым духом у меня по-прежнему порядок, а вот физическая сила не помешала бы.

Всегда любил гулять по лесу. Прочистить мозги, продышаться, разобраться в мыслях и чувствах. Мог и ружье с собой прихватить. И сейчас с удовольствием сходил бы на глухаря, да пока не получается. За последние годы перенес две сложнейшие операции на позвоночнике. Врачи сразу предупредили, что процесс реабилитации может затянуться: пока все окрепнет, пока нервные корешки срастутся... Стараюсь каждый день пройти хотя бы шагов на десять больше, чем накануне. Очень помогают палки для скандинавской ходьбы.

Кстати, любопытно получилось: в 2015 году я чуть ли не насильно вручал эти палочки людям старшего поколения. По оценкам специалистов, они прекрасно оздоравливают организм, задействуя девяносто процентов мышц, укрепляя сер-

дечно-сосудистую систему. Да еще и калории сжигают. Полезная штука! Потом у нас стартовала акция «Тысяча скандинавских палок – ветеранам Кузбасса». За три года их бесплатно получили тридцать пять тысяч человек. Теперь вот и я осваиваю. Но это так, частности. Речь не об этом.

Хуже физической немощи лишь невостребованность и ненужность. Знаю, кто-то радуется, дождавшись пенсии. Мол, вот теперь отдохну! Ну хорошо, недельку повалялся на диване с книжками, пощелкал каналы в телевизоре, а дальше что? Я реалист и трезво оцениваю, что дожить до семидесяти пяти в здравом уме и твердой памяти – уже большой подарок судьбы. Но не могу представить себя без дела. За любое занятие готов уцепиться зубами! Бездействие губит, убивает. Поэтому никогда не буду сидеть сложа руки. Никогда!

Всю жизнь пуще смерти боялся нарушить божьи заповеди и подвести людей. Этот страх преследовал постоянно. Пугали не наказания, а что не справлюсь, не оправдаю доверия, подведу других. Чем выше поднимался и шире становился круг обязанностей, тем сильнее давило сомнение, не давая спать по ночам: вдруг не потяну? Да и сны были в основном на производственные темы: то еще не все котельные готовы к зиме, то ураган натворил бед, надо порушенное восстанавливать, то шахтерский поселок землетрясение потрепало... Нервы постоянно были на взводе. Мозг не отключался, голова не отдыхала.

Я трижды участвовал в президентских избирательных

кампаниях. Какую цель ставил, ради чего лез в драку?

Вот зачем баллотировался в 1991-м? Сидел бы тихо, глядишь, и не попал бы в опалу у Бориса Ельцина.

Может, зря в 1996-м во втором туре агитировал за Геннадия Зюганова? Он в итоге сдался без борьбы, струсил.

Стоило ли выдвигаться в 2000-м, когда исход выборов был очевиден – победит Владимир Путин?

Ясно, что не ради личных амбиций и цифр в итоговых протоколах ввязывался я в эту борьбу. Не мог смотреть, в какой хаос погружалось общество, разваливалась великая страна, которую знали и уважали на всех континентах... Не мог молчать, а участие в выборах давало мне право голоса.

Власть – штука жестокая и коварная. Засасывает. Добровольно отказаться от нее почти невозможно. По крайней мере, у меня не получилось. Когда начались проблемы с позвоночником, стало трудно ходить, а потом даже стоять, подумывал: может, пора передавать хозяйство в руки более молодых, здоровых? Но не привык бросать работу на середине. Всякий раз находились веские резоны, чтобы оставаться на посту. Сперва требовалось закончить одно важное дело, потом – второе, затем – третье. И так без конца.

Вот и получилось, что пробыл губернатором Кемеровской области более двадцати лет – с 1 июля 1997 года по 1 апреля 2018-го. Не обзавелся ни яхтами, ни виллами, ни личными самолетами. Даже странно писать или говорить о подобном. Откуда бы взялось такое богатство? Не ради этого шел во

власть. Мне нет резона врать или лукавить. Действительно, всегда старался думать о людях, их боль и проблемы принимал близко к сердцу. Не скрою, хотел, чтобы и после ухода меня вспоминали добрым словом, говорили: «Это сделал Аман». Или: «Так было заведено при Тулееве».

За два десятилетия было много разного – и хорошего, и плохого. Об этом и собираюсь рассказать.

Нельзя бесконечно корить себя, посыпать раны солью, а голову – пеплом. Глупо все время возвращаться мыслями в день вчерашний. Как-то вычитал у Дейла Карнеги фразу: «Не пили опилки!» Переиграть, переписать прошлое невозможно, пасту в тубик не запихнуть. Надо продолжать жить, двигаться дальше. После ухода из губернаторов я никуда не сбежал из Кемерово, не отгородился от людей высоким забором. Но кто-то никак не угомонится, придумывает поводы, чтобы посчитаться со мной: то тиснет паскудную заметку на анонимном сайте в интернете, то пытается в суд по надуманным делам затащить.

Стараюсь не доставлять радости повывлезавшим из-под коряг злопыхателям.

Коллеги, знакомые, друзья в курсе, что давно не отмечаю дни рождения в широком кругу. Это раньше мог собрать на юбилей человек сто, накрыть стол для дорогих гостей. Помню, на сорок пять лет подарили сразу одиннадцать электробрить. Не сговариваясь! Это было в 1989 году, я тогда работал начальником Кемеровской железной дороги. Времена то-

тального дефицита еще не прошли, и бритва считалась крутым презентом. Хоть магазин электротоваров открывай! В нулевые пошла мода на наручные часы. Как-то штук десять вручили за раз. Что мне с ними было делать? Менять каждый день, как рубашки? Пару оставил себе, остальные раздал.

В последние годы губернаторства 13 мая не выходил на работу, специально уезжал из Кемерово дня на три-четыре. Чтобы не принимать подарки. Когда возвращался, отвечал на поздравительные открытки.

И про семидесятипятелетие заранее решил: праздновать буду с семьей. Так и сделал. Если и могу в чем-то серьезно себя упрекнуть, так в том, что мало внимания уделял жене и детям. Казалось, жить буду вечно, не задумывался, что время, отведенное на общение с родными, безвозвратно уходит. Слишком поздно понял, что на свете нет ничего дороже семьи.

Супруга Эльвира Федоровна, сын Дмитрий с женой Василисой, их дети Андрей, Тимур, Татьяна и Тея, внук Станислав с женой Кристиной, их дочь Карина и сын Марат, сноха Лариса – они и есть главное мое богатство...

Об имени

Говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет.

Имя – тяжелый для меня вопрос. Знаковый и значимый. С одной стороны, горжусь, что я – Аман, с другой, это имя принесло мне немало огорчений в жизни, хлебнуть из-за него пришлось изрядно. Спасибо моей дорогой маме и советскому кинематографу – важнейшему из искусств, по утверждению вождя мирового пролетариата...

Моя мама Мунира Файзовна – наполовину татарка, наполовину башкирка, а отец Молдагазы Колдыбаевич Тулеев – чистокровный казах. Амангельды Иманов, в честь которого меня и нарекли, – национальный герой Казахстана, один из лидеров Среднеазиатского восстания 1916 года, участник Гражданской войны, выступивший на стороне советской власти. О нем написаны поэмы, романы, пьесы, а в 1938 году режиссер Моисей Левин снял художественный фильм. Он так и назывался – «Амангельды». Кстати, правильное написание именно такое – слитное. Это мне в паспорте зачем-то нарисовали дефис, и с тех пор по документам я Аман-Гельды.

Так вот. В кинотеатр моя мама отправилась на последнем месяце беременности. Но досмотреть «Амангельды» ей не довелось. Во время сеанса начались схватки, и прямиком из кинозала она попала в роддом. Вопросы, как назвать сына, у

нее не возникло.

Не знаю, как теперь, но семьдесят с гаком лет назад в Красноводске (сейчас это город Туркменбаши), где я появился на свет, Амангельды было одним из наиболее распространенных, часто встречающихся имен. Как, к примеру, Иван в Рязани или Саратове. В честь казахского революционера названы города и районы. Но, пока я рос, наша семья сменила Среднюю Азию на Башкирию (у мамы там жили родственники), а потом и вовсе оказалась в Краснодарском крае, где, подозреваю, Амангельды испокон веков не водились.

Очувтившись в четырнадцать лет в Тихорецком техникуме железнодорожного транспорта, я в полной мере ощутил «особость» своего имени: у окружавших меня Вась и Петь оно вызывало безудержные приступы веселья. При виде меня, они начинали ржать, будто кто-то из них удачно пошутил. Учившиеся со мной кубанские подростки не то что переиначивали непривычные для их уха сочетания звуков, нет, они нарочито правильно выговаривали мое полное имя, и это звучало как изощренная издевка. За годы я привык отзывать на сокращенное обращение Аман и, когда слышал, что меня называют Амангельды, каждый раз напрягался, чувствуя подвох. Невольно сжимались кулаки, хотелось дать в лоб этим острякам-самоучкам, но поделать я ничего не мог, поскольку имя-то произносилось правильно, формально придраться было не к чему.

Ладно бы только сверстники изгалялись: когда пришло время получать паспорт, я понял, что и милые с виду тетуски, занимавшиеся оформлением документа в загсе, тоже не прочь поиграть на нервах, вывести меня из душевного равновесия. Они умышленно запинались и потом произносили, коверкая на разные лады: А-ман-гель-ды Мол-да-га-зые-вич. Я чувствовал, что пунцовею, начинаю стесняться собственного полного имени. Будто это ругательство какое-то.

Еще до всех этих унижительных историй у меня состоялся серьезный разговор с отчимом. Мама вышла замуж за Иннокентия Ивановича Власова, когда мне было, наверное, лет пять. Жили мы к тому времени в Башкирии, в маленьком городке Кумертау, что в паре сотен километров к югу от Уфы. Кстати, в переводе с башкирского Кумертау означает «угольная гора». Словно некий знак моей будущей жизни оказался заложен в том названии... Почему именно там наша семья нашла себе пристанище лет на восемь, не скажу. Знаю лишь, что родни у нас в Кумертау не было.

Но вернусь к рассказу об Иннокентии Власове. Я обязан ему очень многим в жизни. Отчим всегда по-доброму ко мне относился и помог выучиться, встать на ноги, получить образование.

Иннокентий Иванович выглядел словно настоящий русский богатырь: рост под метр девяносто, косая сажень в плечах. Повоевать на Великой Отечественной, правда, он не успел: эшелон с новобранцами, среди которых находился и

рядовой Власов, направлялся к линии фронта, когда пришло известие о победе над гитлеровской Германией. После демобилизации отчим окончил торговый техникум и, сколько помню, всегда работал по специальности: был товароведом или экспедитором. Моя мама, кстати, тоже занимала «хлебную» должность бухгалтера на хлебозаводе.

Ребенком я любил ходить рядом с Иннокентием Ивановичем, большим и сильным. А он, похоже, стеснялся того, что вынужден держать за руку азиатского мальчика с характерным разрезом глаз. Я хоть и был пацаненком, но нутром чувствовал его дискомфорт. Каждый встречный норовил спросить: «А это кто с тобой?» Власов отшучивался, а я ежился. Тем более что у Романа и Гали, моих брата и сестры, которых мама родила в браке с Иннокентием Ивановичем, лица удались славянские.

«Паспорт дается человеку на всю жизнь, – сказал отчим, позвав меня на разговор. – Как в нем записано, так и станут называть. Представь, на производстве не смогут выговорить твоего имени, начнут дразнить, издеваться. Ты не сдержишься, ответишь, огребешь проблем на ровном месте. Оно тебе надо? Предлагаю: становись Аманом Иннокентьевичем. А что? Нормальный вариант! И имя свое сохранишь, и отчество, извини, “человеческое” получишь». Власов, трезвомыслящий мужик, понимающий, в какой стране живет, потечески правильно все объяснил. Я кивал, но не говорил ни да, ни нет. Однако задумался всерьез.

Когда пришел получать паспорт, в загсе меня спросили: «Ну, что решил, юноша? Будешь менять имя?» Я догадался: Иннокентий Иванович не поленился, съездил в контору и самолично провел профилактическую работу перед моим приходом. До сих пор не знаю, почему свел на нет старания отца, ответив: «Пишите, как указано в свидетельстве о рождении».

Мать не раз с гордостью рассказывала историю героического рода адай, к которому принадлежали деды и прадеды по отцовской линии, внушая мне почтение к памяти предков. Она с интересом читала книги казахских и татарских писателей, любила исторические фильмы и часто повторяла: казах обязан чтить свое духовное наследие. Наверное, ее слова возымели действие. Позднее я прочел любопытное исследование авторитетных ученых-этнографов о том, что казахи – это генетическая смесь многих народов. В их крови есть гены обитателей Юго-Восточной Азии и Старого Света, в том числе Британских островов. Но языка предков я никогда не знал. Будучи губернатором Кемеровской области, однажды выступал на форуме в Казахстане. Дали мне слово, а я только и смог, что поздороваться по-казахски. Продолжил на русском. Нурсултан Назарбаев треть моего спича выслушал, а потом нажал у себя кнопку микрофона и на весь зал обратился ко мне: «Аман, да что же это такое! Когда выучишь казахский?» – «Согласен, – отвечаю, – стыдно не знать родного языка, Нурсултан Абишевич! Обещаю испра-

виться! Только учительницу прикрепите ко мне молодую и симпатичную». Словом, повеселил съезд.

Послушный зову предков, я остался Амангельды Молдагазыевичем Тулеевым. С тех пор и мучаюсь. Мало кто способен выговорить мое имя. Его и прочитать-то с ходу просто. Когда в начале девяностых годов теперь уже прошлого века я ввязался в противостояние с Борисом Ельциным, в «Нашей газете» (было в Кузбассе такое забастовочное издание) на центральном развороте огромными буквами разверстали: «АМАНГЕЛЬДЫ МОЛДАГАЗЫЕВИЧ против». Мама дорогая! Не всякий пожилой человек осилит такое нагромождение букв!

А после начала предвыборной борьбы за пост президента России как только меня не склоняли! Не надо было искать компромат, козыри сами плыли в руки. На встречах с избирателями специально обученные подсадные люди умышленно коверкали мое имя так, чтобы оно вызывало смех в зале. До сих пор помню женщину с Дальнего Востока, заявившую в микрофон: «Какой-то казах хочет стать президентом России, а мы даже имени его выговорить не можем!» И люди ей хлопали. Можете представить, что я чувствовал, какое жестокое унижение испытывал, слыша подобное! Хотя, казалось бы, должен был выработать иммунитет, пройдя закалку издевками, перенесенными в детстве и юности.

С тех пор как наша семья уехала из Башкирии, мое имя многим не давало покоя... А на Кубань мы перебрались по-

сле того, как врачи посоветовали маме из-за проблем с сердцем сменить уральский климат на более мягкий, южный. Обосновались в Майкопе, где я и пошел в шестой класс.

Про родного отца практически ничего не знаю: родители расстались, когда я был пацаненком ясельного возраста. Видимо, что-то у отца с мамой не заладилось. Слышал, будто он искал нас, но тщетно: после замужества с Иннокентием Ивановичем мама сменила фамилию Тулеева на Власову. Дома хранились фотографии, на которых кто-то безжалостно вырезал ножницами мужчину, запечатленного рядом с мамой. Я подрос и догадался: наверное, это и был мой отец. Мать на все расспросы отвечала скупой и короткой фразой: погиб. На самом деле Молдагазы Колдыбаевич Тулеев пережил войну, после Победы работал в правоохранительных органах Казахстана. Точную должность и звание не знаю, что-то по юридической части. Нам так и не довелось повидать друг друга. К сожалению ли? Все-таки да. Не отказался бы от встречи, если бы подвернулась оказия. Как ни крути, родная кровь.

Относительно недавно, уже в восьмидесятые годы, я отыскал могилу отца в Чимкенте, положил цветы на надгробие... Место помогли найти отцовские родственники: они сами объявились на горизонте, когда мое имя зазвучало в российской политике и родня узнала, кем я стал, до каких чинов дослужился.

Бывают моменты, горжусь, что не смалодушничал, не стал отказываться от имени, отсекаться от корней. Отыскал в фи-

лософских трудах утверждение, что человек не вправе менять данное ему при рождении имя, даже если оно становится непосильной ношей, давит, словно тяжкий крест. Что мне в итоге принесла моя необъяснимая настойчивость? Пожалуй, ничего, кроме убежденности, что и эту трудность я сумел преодолеть. Кстати, когда умерла мама, долго размышлял, что писать на могильной плите. Хоть по паспорту она Мунира Файзовна, все ее знали как Марию Федоровну. Поразмыслив, снова сделал выбор в пользу имени, данного при рождении.

О выборе

Вот вроде и заботилась обо мне мама в детстве, кормила, одевала, а теплоты в отношениях не было. В иной семье достатка нет, живут бедно, копейки считают, а атмосфера добрая, душевная. Казалось бы, мама – самый близкий и родной человек, ближе некуда, а на людях она словно стеснялась меня, моей смуглолицести и узкоглазости. Помню, гости придут, я забьюсь куда-нибудь в угол подальше, а то и вовсе уйду из дома, лишь бы не попадаться на пути. Чувствовал неловкость, встречаясь взглядами с пришедшими, взрослые это тоже понимали, стыдливо отводили глаза в сторону, делая вид, будто не замечают моего присутствия или отсутствия. У Александра Сергеевича Пушкина в «Евгении Онегине» есть строчка: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Вот и я постоянно испытывал тягостное чувство: я не такой, как другие.

Учился в школе плохо, не слишком усердствовал, не находил внутренней мотивации. Хуже всего дело обстояло с математикой, а вот литература мне нравилась. Бывало, возьму несколько книг в библиотеке, пока до дома дойду, по дороге одну прочитаю. Другую «проглочу» ночью под одеялом с фонариком, когда все спят.

На следующий день бегу за новой порцией историй. «Ты клоуна из себя не строй! – строго выговаривала библиоте-

карь. – Небось одни картинки разглядываешь! Не может такого быть, чтобы уже прочитал». Иногда даже экзаменовала меня: «Отвечай, о чем здесь рассказывается?!»

В Кумертау мы жили рядом с железной дорогой, под окнами барака постоянно чихал маневровый паровоз. Я наблюдал за ним, как замороженный, втягивая носом тяжелый дух мазута и горящего каменного угля. Тянула меня к себе «железка». Сам не заметил, как стал мечтать выучиться на машиниста паровоза. Поэтому, когда в школе пришло время определяться – учиться до десятого класса и поступать в институт или уходить, чтобы получить рабочую профессию я выбрал второй вариант.

Решил поступать в железнодорожный техникум. Ближайший от нас находился в Тихорецке. Приехал туда и выяснил, что паровозное отделение закрыли: прогресс не стоял на месте, паровозы заменили тепловозами. Облом! Но не возвращаться же из-за этого за школьную парту, правда? Профессии вагонника, путейца и связиста меня не привлекали, пошел выяснять, кого готовят на факультете эксплуатации железных дорог. Оказалось, тех, кто координирует работу всех служб, организует процесс, чтобы система функционировала как единый организм. Подумал: «А что? Интересно попробовать справиться с такой задачей». Как показало время, именно управленческий факультет и был нужен мне в жизни. Не знаю, какой мог бы получиться из меня машинист паровозов, но, взявшись за управление железной дорогой, я ока-

зался на своем месте. В этом деле, как в шахматах, в первую очередь требуется логическое мышление – расформировываешь одни составы, собираешь другие, разводишь по путям. Всю информацию надо постоянно держать в голове, не ошибиться. Любой просчет может быть фатален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.